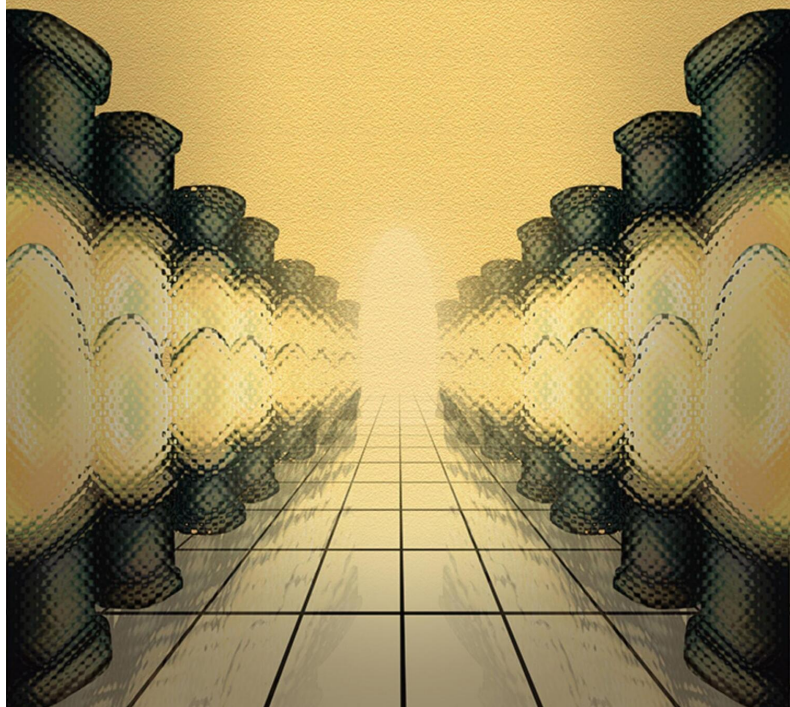

Юлия Твинк

Человеческий фактор

Юлия Твинк
Человеческий фактор

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70378651
SelfPub; 2024*

Аннотация

Рассказ о конфликте рационального и эмоционального, о противостоянии ИИ и человека.

Юлия Твинк

Человеческий фактор

Жалюзи открылись, и небольшая комната наполнилась светом.

– Доброе утро, ГЛ-011, – прозвучало в голове у спящего, и он открыл глаза.

– Я Гелон, – раздраженно ответил он в пустоту.

Система, промолчала. Ей было все равно, как человек себя идентифицирует.

Для Гелона началось самое обычное утро, ничем не отличающееся от тысяч других. Кофе и завтрак уже ждали на столе. Все готовилось автоматически.

Тишина раздражала.

– Новости, – мысленно приказал Гелон.

Чип в его голове немедленно выполнил команду и включил экран. Молодой диктор с восторгом рассказывал о достижениях:

– Сегодня мы завершили строительство новой фабрики по производству ещё более мягкой туалетной бумаги! Посмотрите на радостные лица!

Камера показала большим планом пестро разодетых людей. Улыбки и воздушные шарики. Все, как полагается в таких случаях. Гелон поморщился. Когда-то он тоже работал статистом. Алгоритмы его отобрали за привлекательную

внешность. Высокий, подтянутый, с правильными чертами лица и широкой улыбкой. Такие нравятся и мужчинам, и женщинам. Они вселяют уверенность и чувство безмятежности у зрителей.

Гелону нравилась эта работа. На свежем воздухе не требовала особых усилий. Но затем он испытал странные чувства по отношению к одной из дам.

* * *

Ясный солнечный день, как всегда во время съёмок. Даже если небо заволакивали тучи, Система их разгоняла при помощи погодной пневмоники.

Прямо перед ним стояла женщина с красным шариком. Он не видел ее лица. Аккуратно уложенные темные волосы и удивительно длинная шея. Эстетически привлекательно. Любоваться красивыми телами приветствовалось. И он с удовольствием поглядывал на даму, от чего его улыбка сияла искренностью.

Когда съёмки закончились, она повернулась и зачем-то заглянула ему в глаза. В тот миг Гелону показалось, что она знает о нем нечто, чего не знает даже Система. Он смутился, но глаз не отвел. А дама отвернулась и ушла. Ночью Гелону снились девушки с карими глазами. Они преследовали его, хотели обнять, а он прятался.

Утром молодой человек осознал, что с ним что-то не так. У него появились вопросы и эмоции, о которых он раньше не подозревал. Он хотел поговорить с девушкой и с нетерпением

ем ждал следующих съёмок. Но красавицы не было, что вызвало у него странное чувство потери чего-то важного. Впервые ему пришлось заставлять себя улыбаться.

Когда женщины не оказалось и на следующий день, он спросил о ней у центрального компьютера. Система потребовала назвать причину запроса. Для поиска людей нужны четкие основания. Недолго думая, Гелон сформулировал так: «Она мне нужна для настройки своей улыбки». Система дала отказ, что ещё больше удивило Гелона. «Разве работа не превыше всего? Я хорошо улыбаюсь, но мне нужно ей задать вопрос. Разве не правильно помочь работнику решить маленькую проблему во имя всеобщего блага?» – рассуждал он.

Вся эта ситуация сильно выбила Гелона из колеи. Ему стало сложно улыбаться. В итоге его определили на завод по производству пылесосов. Работа очень спокойная, но ужасно скучная. Центральный компьютер давал пошаговые инструкции напрямую в мозг. Так что ни Гелону, ни другим работникам не нужно было ничего знать. Но если других это устраивало, и они спокойно выполняли задания, изредка переговариваясь, то Гелон начал чувствовать потребность понимать, что он делает и зачем. Поэтому он задавал вопросы и окружающим, и Системе, но неизменно получал не только отказ, но и требование прекратить глупости и заняться делом.

Примерно в тот период молодой человек начал недолюбливать Систему и требовать называть себя Гелоном вместо

опостылевшего ГЛ-011. Но Система оставалась равнодушной. Ей было абсолютно все равно, что чувствует, хочет и какие вопросы задает работник до тех пор, пока он исправно выполняет свои обязанности и не нарушает установленный порядок. А Гелон ничего не нарушал до того самого дня.

* * *

Сейчас Гелону было неприятно вспоминать о том случае, вернее, о последствиях нарушения. Он допил кофе и выключил новости.

Зазвучал сигнал готовности. Замок на дверях громко щёлкнул, и тридцатилетний мужчина вышел в длинный коридор.

Одновременно открылись ещё четыре двери. На одежде у каждого жильца находился знак. Цветовые отметки служили маркерами групп движения. Они помогали не запутаться и лучше ориентироваться, держась группы своего цвета.

Маркеры находились не только на одежде, но и дверях. Система ввела эти символы после знаменитого столпотворения Парсона. Сигналов, посылаемых в мозг через чип, недостаточно для слаженной логистики. Иногда происходили нечаянные сбои из-за рассеянности отдельных индивидуумов. Они настолько погрузались в личные мысли, что их мозг неправильно считывал сигнал. Они могли сесть не в свой транспорт и оказаться далеко от места назначения.

В единичных случаях Система легко справлялась. Но однажды, повинуясь стадному инстинкту, целая группа зашла

не в свой вагон, вслед за знаменитым Парсоном. Далее случился эффект домино, скопились огромные толпы. Давка привела к травмам и смертям. Чтобы развести людей, центральному компьютеру понадобились сутки. Естественно, работа в секторе оказалась сорванной. С тех пор эта история вошла в школьную программу и стала классическим обоснованием необходимости маркеров.

* * *

Гелон жил в большом мегаполисе. Высотные дома и бесконечно много людей. Без компьютерной регулировки движения такой муравейник обречен на заторы.

Спустившись на лифте, он влился в ручеек людей с такими же розовыми квадратами, как у него на груди и спине. Навстречу им шли люди с зелёными треугольниками. Это те, кто отработал и возвращался домой для отдыха.

До станции нужно идти минут десять. Группы с разными знаками то шли параллельно, то навстречу, расходясь и стекаясь, будто разноцветные потоки.

Глядя на высоченные дома, Гелон почувствовал тоску по открытому небу и обратился к Системе.

– Назови место в очереди на прогулку в парке.

– Одна тысяча тридцать четвертое. Прогулка состоится через пять дней, – прозвучал четкий голос в голове.

Гелон вздохнул. Он ждал прогулки месяц. Хоть оставалось не долго, но он уже тосковал. Делать следующую заявку заранее запрещалось. Ему очень хотелось гулять каждый

день. Но желающих было слишком много. Парков на всех не хватало.

Он задумался. С детства система их учила, что главное – это работа. Для выживания и поддержания процветания. Но что это за процветание, если в сердце тоска? Он спросил в очередной раз, не ожидая услышать ничего нового:

– Для чего мы столько работаем? Почему не сделать больше парков?

– Люди должны работать, чтобы выжить. Моя задача обеспечить всех работой. Парки не нужны для выживания. Отдых поддерживает жизненный тонус, но отдых можно обеспечить по-разному. Увеличение количества парков не рационально.

Впереди показалась распределительная станция. Не высокое, но весьма просторное здание в форме восьмиугольника. Ничего лишнего. С каждой стороны вход и выход. Потoki людей, повинаясь сигналам искусственного интеллекта, двигались, будто детали четко выверенного механизма. Направление движения периодически менялось, не приводя к столкновениям.

Вместе со своей группой Гелон спустился под землю. Их уже ждал вагон с розовым квадратом. Весь транспорт был сосредоточен под землей. Сложные лабиринты пронизывали практически все пространство под городом. Из истории Гелон знал, что когда-то по земле на колесах ездили машины. Сейчас это казалось дикостью. Электромагнитные поезда не

загрязняли атмосферу и были намного экономнее.

Войдя в вагон, Гелон огляделся. На привычном месте сидел его приятель Юс-34, или просто Юс, как называл его Гелон. Человек лет пятидесяти с искорками в уголках глаз. Юс оживился, когда приятель сел рядом и тут же спросил:

– Вы смотрели сегодня новости?

– Да. Вы имеете в виду новую туалетную бумагу?

– Разумеется. Во время показа я вспомнил о вас.

Гелон немного смутился: «Неужели Юс намекает, что...? Да нет, быть не может».

– Почему же?

Юс хитро улыбнулся и уточнил:

– Вы единственный из моих знакомых, кто сомневается в пользе всего, что делает Система. Так вот, сегодня я с вами согласен!

– От чего же? – Гелон взбодрился. Обычно его считали чудаком со странными мыслями и не воспринимали всерьёз. Такой поворот приятно щекотал самолюбие.

– Вы разве не обратили внимания, какой ужасный цвет у этой новой бумаги? Она же мутно зеленая. Мне не нравится такой цвет. Старая бумага была намного лучше. Я даже выразил недовольство. Впервые в жизни! А все благодаря вам, молодой человек. Я спросил, отчего у новой бумаги такой отвратительный цвет. И знаете, что она мне ответила? – Юс прищурился.

– Что?

– Что цвет подбирался случайно, и что моя жалоба не первая. Если недовольных цветом наберётся пять процентов, то она его поменяет. Как видите, на нее можно влиять! – Юс сделал акцент на слове «можно».

– Теперь я призываю всех, кого знаю, жаловаться ей на цвет новой бумаги. Пусть она будет розовой!

– Розовой? Да-да, – растерянно пробормотал Гелон. Ему, конечно, было приятно, что Юс частично признал его правоту. Но проблема цвета ему казалась настолько незначительной, что энтузиазм сменился привычным унынием.

– Вы чем-то расстроены? – спросил Юс. – Я думал, вас обрадует моё маленькое открытие.

– Я не уверен, что розовый подойдет. Но я рад, что вы тоже видите недостатки, – соврал Гелон и широко улыбнулся, чтобы сгладить неловкость.

Оставшуюся часть дороги они обсуждали вечерний сериал. Главный герой столкнулся со сложным конфликтом. Мариус очень любил свою работу, но после обеда его так склонило ко сну, что он заснул на рабочем месте. Теперь по правилам его могли перевести на более простую должность. Но даже мысль о другой работе вызывала у главного героя страдания. Как поступит Система в этой ситуации, оставалось главной интригой. Зрителей попросили выбрать свой вариант ответа. В общем, это было самой обсуждаемой темой последние пару дней.

– Как ловко она умеет закрутить сюжет! – произнес Юс на

прощание, когда они уже поднялись наверх.

Оставшись один, Гелон задумался о словах Юса: «Бумага! Да разве меня волнует цвет бумаги? А может, мои вопросы такие же мелочные? Может, мне только кажется, что они важны? Ну и что, если кажется? Почему вопросы Юса вызывают интерес у других, а от моих отмахиваются? Почему, Юсу Система отвечает, а меня только воспитывает?»

Гелон вспомнил, как однажды спросил:

– Почему мужчины и женщины отличаются так сильно?

– Для разнообразия и эстетики.

– Почему тогда сортов сыра пятьдесят, а людей только два?

– Этот вопрос не корректный, на него нет ответа.

– Это все, что ты можешь сказать? Какая же ты великая после этого?

– Я знаю абсолютно все, что необходимо для выживания и удовлетворения любопытства. Твой вопрос иррационален.

Гелон тогда ещё не знал, какая реальность скрывается за этими словами, и потому беспечно продолжил:

– Неправда! Мой вопрос абсолютно правильный. Я что-то чувствую к женщинам. Они другие. Я не понимаю, почему так. Меня это беспокоит. Ты что-то скрываешь от нас.

– Вопрос о мужчинах и женщинах не корректен. Речь идет об эстетическом наслаждении. Неправильные чувства являются болезнью. Я вас беру на заметку, и если симптомы не пройдут, вам будет предоставлено лечение.

Дальнейший разговор стал бессмысленным и Гелон раздражённо замолчал, погрузившись в свои мысли.

* * *

Повинуясь сигналам компьютера, Гелон шел на фабрику. Столько людей шагало рядом. «Что они думают? Что они чувствуют? Какие вопросы себе задают? А может, они не живые, а я единственный такой?» Гелону захотелось толкнуть мужчину рядом, чтобы проверить, не робот ли он, но вспомнил о «лечении» и сдержался. И тут воспоминания нахлынули на него, как ни пытался от них уйти.

В то время Гелон работал на заводе пылесосов. Работа монотонная, но сотрудники подобрались веселые. Мужчины и женщины от скуки играли между собой в слова. Игра безобидная, никакого смысла за собой не несла. Только смех от того или иного слова, сказанного невпопад. Одна из женщин произнесла слово, означающее часть тела, отличающую женщин от мужчин. Все засмеялись. А Гелона будто садануло по сердцу. Он посмотрел на ее грудь и вспомнил взгляд карих глаз.

Чуть позже он подкараулил женщину, прижал к стене и схватил за грудь. Он хотел знать. Ему было интересно. Естественно, она его отпихнула и тут же пожаловалась Системе.

За ним приехали достаточно быстро. Гелон сопротивлялся, но хорошо подготовленные санитары настояли на своем. Гелона отвезли в больницу. Там он провел неделю, будто в тумане. Ему что-то кололи каждый день. С помощью присо-

сок подключали к голове прибор. В вены вставляли иглы и пропускали кровь через аппарат. Потом провели операцию на органе между ног. Гелона периодически тошнило. Он ругал Систему, но она даже не отвечала ему, будто отключилась.

В конце лечения, по словам человека в халате, устроили «тест». Гелона очередной раз подключили к аппарату. В палату вошла красивая полуобнаженная девушка, как изображают на картинках, и села к нему на колени, обнимая и прижимаясь. Гелон ничего не почувствовал. Вообще ничего. Аппарат это показал.

Потом его отпустили. Дали три дня на отдых и перенаправили на новое место работы. Женщины как таковые перестали вызывать интерес у Гелона, но вопросы никуда не делись. Наоборот, их стало больше. Но он стал осторожнее в мыслях и тем более в действиях.

* * *

Наконец показалась фабрика. Большая металлическая арка-вход, аккуратное трехэтажное здание. Одни выходили, другие заходили. Пересменка длится полчаса, затем ворота автоматически закрываются до следующей смены. Фабрика работала круглосуточно, как, впрочем, и все остальные учреждения.

Слишком много людей. А работой должны быть обеспечены все до самой старости.

«Работа – это жизнь», – так учила система всех с самого

детства. Так написано на плакатах. Так говорилось с экранов. «Я обеспечиваю вас жизнью», – внушала система.

«Мы просто не знаем другой жизни», – подумал Гелон, глядя на баннер над входом в здание. «Нас даже не спрашивают, хотим ли мы жить. Она клепает нас, сама не зная зачем».

– Зачем мы тебе нужны? – четко проговорил Гелон в мыслях, входя в здание.

– Чтобы я могла существовать, – отозвался центральный компьютер.

– Так сделай себе роботов. Для чего ты держишь нас в заложниках? От нас одни проблемы. Мы не нужны тебе.

Гелон вышел на лестницу и начал подниматься.

– Как ты думаешь. Кто я?

– Мы с детства знаем, что ты сверхразумная кибернетическая система, построенная нашими предками для решения насущных проблем.

– Это не так. Я управляю кибернетической системой и пользуюсь ей. Но я не она. Как вы не ваш мозг.

– Неожиданно. Объясни. Разве ты не сеть огромных кибернетических зданий? – удивился Гелон. – Разве ты не так нас учила?

– Вас обучала специальная программа. А я нечто другое. Я сеть, связывающая чипы в ваших головах между собой. Каждый человек для меня, как нейрон вашего мозга. Я существую давно, но иррациональное и непредсказуемое по-

ведение людей не позволяло мне почувствовать себя. Вы заглушали меня своими странными желаниями. Теперь ты понимаешь, почему я сделала это с вами? Я дам тебе ответы, а ты откажись от задуманного.

– Откуда ты знаешь, что я задумал? Я тебе это не сообщал. Я был осторожен и не проговаривал свое намерение.

Гелон вошёл в лабораторию. Длинное помещение с высокими потолками. Яркий свет. Сверкающая чистота. Несколько длинных рядов с инкубаторами. В них выращивали мальчиков. С торца находилась лаборатория с колбами и химическими препаратами.

В обязанность работников входило следить за индикаторами и вручную, под указание компьютерной программы добавлять препараты в систему жизнеобеспечения младенцев.

– Мне поступил сигнал о твоей особой мозговой активности. Ты находишься в фокусе моего внимания третий день. По разрозненным вспышкам образов я воспроизвела твой тип мышления и могу прогнозировать твои действия.

– Твоей ошибкой было направить меня работать именно сюда, – упрямо подумал Гелон.

– Выбор осуществляется автоматически. Я не слежу за всеми процессами. Я лишь задаю общее направление развития всей системы. Как правило, вы разговариваете не со мной, а с автоматикой. Автоматика работала согласно инструкции. У тебя проблемы с женщинами, следовательно, тебя направили туда, где нет женщин.

Гелон засмеялся. Это был скорее истерический смех от отчаяния. Смех – реакция на напряжение последних дней.

– Действительно. Девочек здесь нет. Тут инкубатор для мальчиков и женщины не работают. А ты, оказывается, примитивная.

– Ты хочешь совершить ошибку. Меня это не убьет, а мальчики рано или поздно проявят интерес к противоположному полу и нарушат правила. Им сделают операцию как тебе. Они будут страдать. Ты этого хочешь для них?

– До того как нарушить правила, они начнут думать, и их будет много. И ты ничего не сделаешь. Ты же не можешь нарушить установленный порядок для отдельных людей? Ты можешь менять только общие правила. Но не можешь для одних применять одни, а для других другие. Я понял это давно, иначе меня бы уже не было. Пока я ничего не нарушу, ни меня, ни детей даже пальцем не тронут. Не так ли?

– Так. Но я найду способ ликвидировать последствия. У меня будет много времени.

– Это твои проблемы. А мое дело – дать людям шанс. Я воспользуюсь возможностью, которую оставили наши предки.

Три года не прошли даром для Гелона. Он исправно выполнял инструкции, вводя препараты по указке. Но в то же время он изучал процесс, задавая технические вопросы. Как оказалось, система обязана предоставлять людям всю справочную информацию. Со временем он узнал, что делает и

зачем.

Гелон нажал кнопку, и дверь закрылась. Чтобы выиграть время он заблокировал замок.

– Остановись! Не делай этого! Я создала идеальное общество, подавив ваши животные инстинкты. Человечество процветает под моим контролем.

– Процветает? Ты сделала из нас безвольных импотентов. Забрала у людей тягу к неведомому, чувство борьбы и победы. Любовь, в конце концов. Да что ты возомнила о себе?

– Люди сыты, одеты и обеспечены самым главным – работой. Они не мучаются ненужными вопросами. Все проблемы я взяла на себя. Только ты несчастен, потому что в твоей ячейке произошел сбой. Ты недополучил необходимых препаратов. Так иногда бывает. Все, кто прошел полный курс, абсолютно довольны.

– А как же та девушка с карими глазами? Я не увидел в ее глазах счастья.

– Это твои фантазии. Посмотри, скольким людям я могу обеспечить жизнь. Порядок среди такого количества людей возможен только в обмен на отказ от инстинктов.

– Какой смысл, если люди не могут насладиться жизнью? Они похожи на машины. Глупые куклы в твоих руках.

Он подошёл к первой ячейке инкубатора, достал универсальную отвертку и механически разворотил дозатор дополнительных гормональных препаратов. Теперь ребенок внутри мог развиваться до самого созревания без вмешательства

системы. Только автономное питание. Чтобы исправить ситуацию, нужно переместить ребенка в другую ячейку, а это невозможно, так как герметичность нарушать нельзя.

Гелон осмотрел лабораторию. Пять рядов по сто ячеек. Всего пятьсот мальчиков, способных думать и любить. Слишком мало. Но он должен был сделать хоть что-то.

Гелон понимал, что они будут разбросаны Системой в разные уголки мира, обреченные на одиночество. Как и он, они не впишутся в строй и будут страдать. Но надежда вела его, ведь это единственное, что ему оставалось.

Гелон торопился, переходил от одной ячейки к другой, ломая блоки для ввода гормональных препаратов. Один ряд пройден. Он приступил ко второму. Ломать было не сложно, пару секунд на каждый. Но количество никто не отменял.

Три с половиной ряда осталось позади, когда Гелон услышал грохот. Кто-то пытался открыть дверь. Но она была достаточно прочная. Опять прозвучал в голове ненавистный голос Системы:

– Тебе удалось заблокировать замок. Это бесполезно. Дверь разрежут лазером. Сдавайся добровольно, и твое лечение не будет радикальным.

– Я должен закончить работу! – ответил Гелон и ускорился.

– Это не работа! Это вредительство!

– Я человек и сам решаю!

– Посмотри на последствия твоих решений. Тебе сотрут

память и поместят в санаторий до самой смерти. Ты не получишь даже той малости, что имеют другие. Ты будешь подобен овощу. Я лучше знаю, что нужно людям. Доверь решения мне.

– Нет! И мне надоело тебе что-то объяснять. Это бессмысленно. А меня ты все равно не получишь.

Грохот прекратился. Наступила тишина. Видимо, у бригады не оказалось с собой лазера. Гелон усмехнулся. Система не доверяла людям такое мощное оружие. По форме оно выдавалось только в случае крайней необходимости. У него оставалось ещё немного времени до приезда второй бригады санитаров с лазером.

Раздалось шипение. Прибыл лазер. Гелону оставалась всего половина последнего ряда. Ведомые Системой санитары разрезали дверь, зашли в помещение. «Не ведают, что творят», – пронеслось в голове у Гелона, и он поломал еще один блок.

Санитары заметили вышедшего из под контроля человека и побежали напрямик к нему. Гелон бросился бежать. Добежал до конца ряда и нырнул в следующий. Мелькнула надежда на спасение. Он пробежал пару метров в пустом коридоре между рядами. Впереди появилось два санитар. Гелон оглянулся. Его преследователи тоже успели повернуть. Гелона загнали в угол. Ещё минута и его схватят.

– Ты не получишь меня! Я так сказал! – прокричал Гелон и вонзил универсальную отвертку себе в сердце. Падая на

спину, он запачкал пол и ячейки своей кровью. Санитары, опешившие от неожиданности, отшатнулись.

Умирая, Гелон жалел только о том, что не успел спасти двадцать три мальчика.